Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2001
Номер выпуска: 09
Заглавие: Рисунок
Автор: И. Бондаренко

Из немногих удачных портретов Чехова лучшие принадлежат кисти его брата Николая Павловича и художника Н.П. Ульянова. Но, как недавно стало известно, существует еще один портрет, написанный Ильёй Ефимовичем Репиным, величайшим представителем реалистического искусства. Однако, по сообщению газеты «Известия» в августе 1984 года, этот портрет был утрачен и пока не обнаружен.

К счастью, бывают не только потери, но и находки. Об одной из них я и хочу рассказать.

В 1940 году в Москве проходил смотр театральных спектаклей для детей. Комитет по делам искусств СССР совместно с Всероссийским театральным обществом организовал к этому смотру в фойе Дома актера выставку «Советский театр для детей». Тематико-экспозиционный план выставки был разработан искусствоведом Василием Васильевичем Федоровым, братом известного чехововеда Ивана Васильевича Федорова, с которым меня связывала многолетняя дружба.

Выставка открывалась вводным отделом «Дети и театр в дооктябрьский период». Для этого отдела В.В. Федоров заказал художникам несколько оригинальных экспонатов. В частности, художнику Д.Н. Кардовскому был заказан графический рисунок «Антоша Чехонте на галерке Таганрогского театра».

Заслуженный деятель искусств РСФСР, действительный член Академии художеств, профессор Дмитрий Николаевич Кардовский (1866-1943) был известен как талантливый иллюстратор. В советском искусстве он продолжал традиции русской реалистической графики XIX века. Обладая острой наблюдательностью и отточенным мастерством выразительного рисунка, умел передать внутреннее содержание изображаемых событий, создавал жизненно правдивые образы людей.

К лучшим произведениям художника принадлежат иллюстрации и особенно акварельные рисунки к комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова, поэме «Русские женщины» Н.А. Некрасова, комедии «Ревизор» Н.В. Гоголя и другим произведениям русской классики.

Однако, как писал в своих воспоминаниях историк искусства академик И.Э. Грабарь, с особой нежностью художник относился к Чехову. 55 рисунков Д.Н. Кардовского, мастерски исполненных к отдельному изданию чеховской «Каштанки», составляют наиболее ценные и совершенные иллюстрации, раскрывающие в авторе творческую зрелость художника.

Теперь неожиданно выясняется, что Дмитрий Николаевич оставил зарисовки не только к рассказам Антона Павловича, но и к его биографии. Редкий, необычайно интересный рисунок Д.Н. Кардовского, изображающий юного Чехова-гимназиста на галерке таганрогского театра, является не просто любопытной картиной таганрогской общественной жизни школьника Чехова, это еще и портрет растущей, набирающей силы личности будущего драматурга. Вместе с тем рисунок можно рассматривать и как коллективный портрет молодых увлеченных театралов Таганрога поры отрочества и юности Чехова.

Однако, как писал в своих воспоминаниях историк искусства академик И.Э. Грабарь, с особой нежностью художник относился к Чехову. 55 рисунков Д.Н. Кардовского, мастерски исполненных к отдельному изданию чеховской «Каштанки», составляют наиболее ценные и совершенные иллюстрации, раскрывающие в авторе творческую зрелость художника.

Теперь неожиданно выясняется, что Дмитрий Николаевич оставил зарисовки не только к рассказам Антона Павловича, но и к его биографии. Редкий, необычайно

интересный рисунок Д.Н. Кардовского, изображающий юного Чехова-гимназиста на галерке таганрогского театра, является не просто любопытной картиной таганрогской общественной жизни школьника Чехова, это еще и портрет растущей, набирающей силы личности будущего драматурга. Вместе с тем рисунок можно рассматривать и как коллективный портрет молодых увлеченных театралов Таганрога поры отрочества и юности Чехова.

Гимназические «Правила относительно соблюдения порядка и приличия учениками вне стен учебного заведения и вне дома, утвержденные г. министром народного просвещения 4-го мая 1874 г., с некоторыми к ним добавлениями» предписывали: «12. Посещение театра, когда даются пьесы сомнительного содержания, ученикам воспрещается; посещение его дозволяется по особому каждый раз разрешению со стороны инспектора, для чего получившему дозволение выдается билет на право быть в театре.

Примечание. Означенный билет ученик обязан в театре иметь при себе и по требованию дежурного лица от гимназии и вообще блюстителей порядка предъявлять, а на другой день возвращать его инспектору».

Гимназисты умудрялись посещать театр по своему выбору и хотению.

«Ходили мы в театр обыкновенно вдвоем, - вспоминал младший брат Чехова Иван Павлович. - Билеты брали на галерку.

Эти «Правила» содержались в ученических «Билетах о личности» Таганрогской гимназии.

Места в Таганрогском театре были не нумерованные, и мы с Антоном Павловичем приходили часа за два до начала представления, чтобы захватить первые места.

В коридорах и на лестнице в это время бывало еще темно. Мы пробирались потихоньку наверх. Как сейчас помню последнюю лестницу, узкую, деревянную, какие бывают при входе на чердак, а в конце ее - двери на галерею, у которых мы, сидя на ступеньках, терпеливо ждали, когда нас наконец впустят. Понемногу набиралась публика.
Наконец гремел замок, дверь распахивалась, и мы с Антоном Павловичем неслись со всех ног, чтобы захватить места в первом ряду. За нами с криками гналась нетерпеливая толпа, и едва мы успевали занять места, как тотчас же остальная публика наваливалась на нас и самым жестоким образом прижимала к барьеру...

Задним рядам было трудно стоять без опоры, и они обыкновенно устраивались локтями на наших спинах и плечах...»

Дмитрий Николаевич Кардовский, конечно, знал эти воспоминания, но в основу своего произведения положил еще и воспоминания школьного товарища Антона Павловича, известного актера-мхатовца А.Л. Вишневского, который писал, что театральное зрелище считалось для гимназистов развлечением небезопасным. На посещение театра нужно было иметь специальное разрешение классного наставника, выдававшееся по особой форме. Получить такую грамоту было делом нелегким. «...Я с товарищами, - вспоминал А.П. Вишневский, - переодевшись в штатское платье, ходил на галерею... Как часто приходилось отсиживаться в карцере и оставаться без обеда за посещение театра без разрешения начальства...» «Вообще посещение театров приходилось отстаивать всякими увертками. Инспектор... стоит, бывало, в антракте между рядами кресел и, обернувшись спиной к сцене, выискивает наши физиономии на галерке. А мы, конечно, в штатском...»

Впервые Чехов побывал в театре, когда ему было тринадцать лет. Тогда, между прочим, там шла музыкальная драма «Фаворитка». Может быть, мальчик Чехов и видел эту драму и, наверное, читал ее афишу. Появление каждой новой афиши в театральном Таганроге всегда было событием. Афиша несла волнующую информацию, оживляла общественную жизнь города, звала в волшебный мир искусства. С нее начиналось предварительное знакомство с новым спектаклем, первое его переживание.

Афиши расклеивались всюду: на круглых цементных тумбах, расставленных на перекрестках центральных улиц, на заборах, в лавках и магазинах, цирюльнях и аптеках, в бубличных, кофейнях, на шумных базарах, доставлялись в гимназию. Страстный театрал

Чехов не пропускал ни одной афиши. Не мог он пройти и мимо той, какую я встретил в одной старинной таганрогской семье и переписал всю полностью и теперь хочу обнародовать как исторический документ и подлинное свидетельство того времени, о котором рассказывает художник Д.Н. Кардовский. Вот эта афиша:

Спектакль Г. С, Валъяно № 38
Таганрогский театр
С дозволения Начальства
АБОНЕМЕНТ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ № 12
Во вторник 16 октября 1873 года Артистами
Итальянской оперы под управлением Г, С. Валъяно
представлено будет

ФАВОРИТКА
Драма в 4-х действиях, музыка Даницетти.

Действующие лица:
Альфонс XI, король Кастильский г-н Росси
Элеонора Гусман, фаворитка короля г-жа Сгарджи
Фернандо, сын Балтазара, влюбленный в Элеонору г-н Паразини
Балтазар, начальник монастыря св. Якова г-н Манчини
Дон Гостаро, королевский адъютант г-н Гронелло
Инесса, поверенная Элеоноры г-жа Бергали
Придворные дамы, кавалеры, пажи, солдаты стража, монахи из монастыря св. Якова.

Сцена происходит во дворе монастыря.
Начало в 8 часов.

Цена местам: ложа литерная 10 руб., ложа номерная бельэтажа и бенуара 8 руб., кресла 1 и 2 ряда 3 руб., 3, 4 и 5-го 2 руб. Остальные 1 руб. 50,. коп. Стул 1 руб. Купон 75 коп. Галерея 40 коп.

Честь имею довести до сведения почтеннейшей публики, что вследствие ее заявления, переданного мне Дирекцией Таганрогского театра, мною выписана из Италии новая Примадонна (di drazia) Амалия Ботичели, которая должна в скором времени прибыть.

Печатать дозволяется
Полицмейстер Кузовлев
Таганрог. Типография П. С. Муссури.

Таков тот жизненный материал, который лег в основу рисунка, ставшего запечатленным свидетельством того, каким был театральный Таганрог второй половины XIX столетия, с какой жаждой и рвением, преодолевая материальные и административные трудности, учащиеся и трудовая молодежь родного города Чехова тянулась к искусству, чем жил и дышал Антоша Чехонте в годы ученичества.

Многоплановость и сложность содержания графической композиции Д.Н. Кардовского «Антоша Чехонте на галерке Таганрогского театра» - редкостный вклад художника в дело познания таганрогского периода жизни Антона Павловича Чехова. Как же сложилась судьба этого произведения? После того как рисунок был показан среди других экспонатов на выставке, он исчез, словно бы никогда его и не было. Пропал рисунок. И автор не беспокоился, не искал его. По всему видно было, что не придавал серьезного значения

своей работе.

В печати рисунок не появлялся, в литературе о Д.Н. Кардовском не был упомянут. Не встречался он и на юбилейных выставках художника. Была только фотография, которую сделал на выставке театральный фотограф.

Все, что тут рассказано, я узнал от своего давнего друга главного библиографа научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доцента Ивана Васильевича Федорова. Он же подарил мне и копию упомянутой фотографии.

Так бы и считался рисунок Д.Н. Кардовского утраченным, если бы не событие, страшно опечалившее всех нас, истинных друзей московского ученого. Пришло известие о смерти Ивана Васильевича. Вскоре его дочь, Людмила Ивановна, прислала мне, согласно воле отца, его архивные бумаги. Среди рукописей, переписки, множества фотографий, ксерографий, факсимиле, вырезок, выписок и других материалов я обнаружил тщательно упакованный пакет, в котором лежал под пергаментной бумагой... считавшийся доселе пропавшим подлинный рисунок Дмитрия Николаевича Кардовского с карандашной надписью на обороте: «Антоша Чехонте на галерке Таганрогского театра». Как случилось, что рисунок оказался в архиве Ивана Васильевича, который сам, не зная этого, очень огорчался по поводу исчезновения рисунка, конечно, навсегда останется загадкой и курьезом.

Так мое собрание музейных редкостей пополнилось еще одним маленьким шедевром, увековечивающим образ любимого писателя.